

2018л
41

Учреждение Российской академии наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XX ВЕКА

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕМЕННИК

ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

МОСКВА — 2009

ББК 83.3(2рос-рус)
Т307

Основатель издания — *Текстологическая комиссия секции языка
и литературы ОИФН РАН*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского
фонда фундаментальных исследований*

Ответственный редактор — *Н. В. Корниенко*

Редколлегия:

*Быстрова О. В., Воронцова Г. Н., Галушкин А. Ю., Грачева А. М.,
Матевосян Е. Р., Полонский В. В., Рожнецова Е. А. (ученый секретарь),
Терехина В. Н., Трубилова Е. М., Тюрина Е. А. (ученый секретарь),
Шубникова-Гусева Н. И.*

Рецензенты:

Гачева А. Г., Смирнов В. П.

Т307 ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕМЕННИК. Русская литература XX века: Воп-
росы текстологии и источниковедения.— М.: ИМЛИ РАН, 2009.— 768 с.

Основу первого «Текстологического временника» составляют материалы Меж-
дународного текстологического семинара, посвященного разным аспектам источ-
никоведческих и текстологических исследований русской литературы XX в. Пред-
ставлены направления и результаты работы отечественных текстологов, участвую-
щих в подготовке научных Собраний сочинений, серии РАН «Литературные па-
мятники», Хроники литературной жизни советской России; дан анализ современ-
ного состояния изданий классиков русской литературы XX в.; предложены текстоло-
гические досье писателей, опыты реального комментария и описания архивных
фондов.

Вниманию читателей предлагаются исследования, основанные на новых архив-
ных материалах, представляющих уникальные документы жизни и творчества рус-
ских писателей первой половины XX в.

Издание адресовано филологам и историкам, преподавателям и студентам —
всем, интересующимся историей русской литературы XX в.

ISBN 978-5-9208-0322-1

© ИМЛИ РАН, 2009

© Коллектив авторов, 2009

396 116

От редактора

Представляемое издание первого «Текстологического временника» (надемся — не последнего) является воплощением общих усилий и главных идей, высказанных в ходе работы прошедшего 20–22 ноября 2007 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Международного текстологического семинара. Семинар был инициирован Текстологической комиссией Секции языка и литературы Отделения историко-филологических наук РАН и организован двумя академическими институтами — Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) и Институтом мировой литературы. Было заслушано 85 докладов, проведено 4 пленарных заседания, работали секции «Текстология и поэтика» и «Текстология и источниковедение». Междисциплинарный характер текстологии как отрасли филологической науки определил широкий диапазон обсуждаемой проблематики: формирование архивных фондов и археографическое обеспечение современного этапа изучения русской литературы XX в.; эдиционная практика и типы Собраний сочинений; вопрос «основного текста» и его редакций и вариантов; цензура и подцензурные редакции; интерпретация и комментарий текста; эпистолярный XX в.; современные издания и биографии писателей XX в.; опыты Летописей и хроник; современная справочная литература и т. п. Кроме ученых двух академических институтов, работающих в группах Собраний сочинений, в семинаре приняли участие архивисты, а также исследователи российских и зарубежных университетов, область интересов которых составляет текстология и источниковедение. Были представлены: Московский государственный (МГУ), Российский гуманитарный (РГГУ), Латвийский и Таллиннский университеты, университет Тайбей (Тайвань), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) и Государственный музей К. А. Федина в Саратове, Новосибирский, Новгородский и Сургутский педагогические университеты и др.

Значительная часть докладов, да и статей «Текстологического временника», связана с современным этапом изучения и издания сочинений русской литературы первой половины XX в.— А. Блока, Л. Андреева, В. Хлебникова, А. Ремизова, Ф. Сологуба, В. Маяковского, М. Булгакова, А. Толстого, Вс. Иванова, И. Бунина, С. Есенина, М. Горького, М. Шолохова, А. Платонова, И. Шмелева, Н. Заболоцкого, М. Цветаевой, Б. Пильняка, К. Федина, Н. Тэффи... Академические институты представляют материалы практической текстологии, которые накапливаются в группах Собраний сочинений, Хроники литературной жизни советской России, а также в «Литературных памятниках». Какие-то издания уже вышли или начинают выходить, другие — готовятся или пока только задумываются...

Современный этап изучения русской литературы XX в. подготовлен архивной революцией конца прошлого столетия, с которой в литературный и литературоведческий процесс стали возвращаться запрещенные имена, произведения, события, факты,

существует автор и большинство его читателей,— реальностью, в которой, собственно, и создается произведение.

Литература

1. Бунин И. Публицистика 1918–1953 годов. М., 1998.
2. Бунин И. Сочинения: Ночь отречения. М., 2001.
3. Горький М. Владимир Ильич Ленин // Коммунистический Интернационал. 1920. Кн. 12. 20 июля.
4. Горький о Ленине // Последние Новости. 1920. № 97. 18 августа. С. 3.
5. Громова-Опульская Л. Избранные труды. М., 2005.
6. Новая Русская Жизнь. 1921. № 0147. 2 июля.
7. Обручев В. Плутония: необычайное путешествие в недра земли. Изд. второе. М.; Л., 1931.
8. Общее Дело. 1921. № 351. 2 июля.
9. Русская Книга. 1921. № 3.

Алла Грачева (Санкт-Петербург)

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗДАНИЯ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОЛЬШОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

На современном этапе развития литературоведения одной из актуальных проблем является изучение русской литературы завершившегося XX в. как целостного пласта культуры России. В связи с этой общей задачей находится ряд других проблем, среди которых остановлюсь на вопросе научного издания произведений указанного периода. По объективным причинам их научная публикация началась с издания наследия писателей начала XX в., оставшихся на Родине после революции 1917 г. или в итоге вернувшихся в СССР. В качестве примера упомяну хорошо известные Академические Собрания сочинений М. Горького и А. Блока. В целом же научное издание опубликованных при жизни, а тем более оставшихся неопубликованными произведений большинства русских писателей, чье творчество определяет литературный процесс XX в., вне зависимости, оставались ли они на территории СССР или стали эмигрантами, еще только началось.

Как известно, после исторических событий начала XX в. многие писатели стали эмигрантами. Ныне уже прочно опровергнуто клише советского литературоведения, что время эмиграции стало годами увядания и гибели творческого таланта.

Хотя писатели, завоевавшие литературное имя еще в дореволюционной России, в своем большинстве были желанными гостями на страницах авторитетных эмигрантских изданий, все же условия издательской деятельности, где превалировала периодика, не способствовали публикации произведений большой прозаической формы. Это особенно касалось вещей, выбивавшихся из жанровых канонов, к которым было склонно издательское мышление, творений, не представлявших собой традиционных типов повести, романа или мемуарной прозы. Еще более тяжелое положение было у писателей «забытого поколения», активно аккумулировавших эстетические новации западной и, прежде всего, французской литературы.

Значительная часть текстов такого рода могла появляться в печати только в виде отрывков, тогда как целое оставалось в личных писательских архивах. Что касается судьбы последних, то они в настоящее время или полностью утрачены, или разрознены между разными странами, где находятся как в государственных, так и в частных собраниях. Лишь малая часть архивов писателей-эмигрантов вернулась в Россию.

Несмотря на такое положение вещей, издание неопубликованных произведений писателей Первой волны эмиграции является одной из значимых задач современного российского литературоведения.

Эта проблема была одной из основных при работе авторского коллектива над 10-томным изданием Собрания сочинений А. Ремизова, осуществленного в Пушкинском Доме в период с 2000 по 2003 гг.

В Париже Ремизов активно печатался в периодике, но с 1931 по 1949 гг. издание его книг полностью прекратилось, да и впоследствии это были малообъемные и малотиражные издания. В итоге пять законченных произведений большой эпической формы («Плачущая канава», «В розовом блеске», «Иверень», «Учитель музыки» и «Петербургский буерак») так и не были целиком опубликованы при жизни писателя.

Остановлюсь на текстологических проблемах, возникавших при подготовке для Собрания сочинений ремизовских текстов крупной прозаической формы.

Условный термин — «крупная прозаическая форма» применяется в данном случае потому, что тексты писателя не укладываются в стандартные жанровые определения, сочетая в себе виды эпоса, лирики и драмы.

Решение текстологических проблем их издания осложнялось также рядом факторов, связанных как с судьбой творческого наследия писателя, так и спецификой ремизовского художественного сознания, определявшего характер творческого процесса.

Во-первых, личный архив Ремизова оказался раздроблен между общественными хранилищами и частными собраниями России, Франции и США.

Во-вторых, текстологические трудности связаны с многоплановостью авторских методов создания наборной рукописи произведения крупной прозаической формы.

Вследствие невозможности опубликовать такое произведение целиком, Ремизов был вынужден расчленять уже созданную целостную вещь на ав-

тономные малые жанровые формы, печатавшиеся в периодике. С другой стороны, зачастую работа над большим по объему произведением шла методом монтажа. Наборная рукопись формировалась методом синтеза разнообразных источников текста: беловых и черновых автографов, авторизованной машинописи, вырезок печатных публикаций, наконец, добавлением в наборную рукопись чистых листов с авторской пометой — что и отку- да надо вставить в данный раздел произведения.

Наконец, в-третьих, надо учитывать ремизовские взгляды на историю бытования текста как на непрерывный творческий процесс создания все новых и новых эстетически равноценных редакций. В связи с этим в архивах существует ряд *равнозначных для автора* как одновременных, так и разновременных *редакций* наборной рукописи одного и того же неопубликованного произведения большой прозаической формы.

Для иллюстрации высказанных положений остановлюсь на текстологических проблемах, вставших при публикации последнего большого неизданного при жизни творения Ремизова — «Петербургского буерака». Это последнее крупное произведение писателя, продолжавшего работу над ним до самой смерти.

Творческий замысел «Петербургского буерака» относится к концу 1940-х гг. В письме своей литературной ученице Н. Кодрянской от 19 апреля 1949 г. Ремизов отметил: «И решил для отдыха: подберу рассказы для моей посмертной книги Шурум-Бурум» [1, 116]. Примечательно, что первоначальное название задуманного *последнего* произведения является воспроизведением названия комплекса самых *первых* произведений Ремизова, уничтоженных им в годы ссылки. Позднее в создававшейся параллельно с «Петербургским буераком» книге «Иверень» писатель отметил новаторский жанр этого единства своих ранних текстов и, одновременно, его главный недостаток — несовпадение новизны авторского мышления и традиционности используемых художественных приемов и, прежде всего, литературного языка произведения: «Я взялся за мой портфель — за тетради <...> Материал для моей первой книги “Шурум-бурум”. Такой книги в печати никогда не появится. Это было мое трудное начало на свой страх. К принятым литературным формам — как пишутся стихи и драмы — не лежала душа. Мне хотелось выразить свое по-своему. <...> А кроме того глухая борьба между школьным синтаксисом и ладом природной речи. Почутью я выбирал природное, но смелости отказаться от книжного у меня не было» [2, т. 8, 398–399].

Согласно изначальному замыслу, новое произведение должно было быть книгой, монтажной по своей художественной структуре, состоявшей по большей части из уже публиковавшихся текстов и «обреченной» на печатание по частям в газете «Новое русское слово» у Софии Юльевны Прегель. Об этом Ремизов писал Кодрянской 21 апреля 1949 г.: «...пришла С<офия> Ю<льевна> <...> я ей рассказал о содержании “Шурум-Бурума” и когда соберутся все рассказы, я ей покажу: пусть берет на выбор, не помяная, что все они из “Шурум-Бурума”» [1, 119]. Задуманное произведение должно было состоять из 33-х рассказов. Центральным в нем являл-

ся рассказ «Эрмитажная редкость» [1, 121–122], повествующий о демонстрации фаллоса князя Потемкина в кругу петербургских эстетов. Согласно ремизовской концепции книги эта «редкость» обрела значение обобщенного символа панэстетической и извращенной культуры Серебряного века.

К августу 1949 г. книга была в целом сформирована. 23 августа Ремизов писал Кодрянской: «Что же я сделал за 3 года, кроме Шурум-Бурум и о Достоевском, Ихнелат и Грудцын. Но ведь это пламень отчаяния. Какой же просвет? Ведь как-то, все-таки я существую, не окостенел <...> это поймут историки литературы, если мною будут заниматься» [1, 144]. Однако созданная книга так и осталась в рукописи и работа над ней продолжалась.

В 1950 г. Ремизов начал писать рассказы-воспоминания о современниках — людях, знакомство с которыми состоялось в эпоху, завершавшую петербургский период русской литературы. Работа над этими произведениями малых жанров, публиковавшимися отдельно, а затем включенными в состав «Шурум-бурума», способствовала формированию новой концепции книги. Соответственно изменились ее идейно-художественная структура и название. 5 сентября 1950 г. Ремизов сообщал Кодрянской: «Строю книгу “Петербургский буерак”» [1, 170]. В 1950–1951 гг. он продолжал создавать рассказы-воспоминания об ушедших знакомых, память о которых была значима не только для русской культуры как таковой, но прежде всего для самого мемуариста.

В 1953 г. творческий замысел претерпел новую эволюцию. Об этом свидетельствуют письма Ремизова Кодрянской: 1) от 15 февраля 1953 г.: «Сделал новую редакцию моей петербургской памяти: “Моя литературная карьера”, показывал благочестивым людям и повесть не вызвала никакого “соблазна”. Я дал форму законченного рассказа около какой-то таинственной вещи, взбаламутившей Петербург своей таинственностью» [1, 310]; 2) от 18 октября 1953 г.: «...“Выхожу на широкую дорогу литературы” готово» [1, 333]; 3) от 11 декабря 1953 г.: «Посылаю “На большую дорогу”. Общее заглавие, как и “Статуэтка” — “Моя литературная карьера”. Этот архивный материал имеет значение для моей литературной биографии, в которой отражается и все мое житейское “кувырком”. Если Вайнбаум не захочет печатать, покажите рукописи Сазоновой. По внешности рукописи судите о моей беспомощности: сколько неумелых рук мудровали, исправляя. А я терял терпенье. <...> как мне горько это писать» [1, 336]. В последнем письме речь идет об усилившейся слепоте Ремизова, вынуждавшей его прибегать для работы над рукописью к помощи друзей.

На новом этапе книга стала логичным продолжением предшествующих крупных произведений («Подстриженными глазами», «Иверень», «Учитель музыки», «Мышкина дудочка»), в совокупности представляющих собой историю самопознания писателя. К началу 1954 г. книга «Петербургский буерак» была готова, о чем опять-таки свидетельствуют письма Ремизова его постоянному confidentу — Н. Кодрянской: 1) от 28 февраля 1954 г.: «...другие подготовленные мои книги <...> “Петербургский буерак”» [1, 352];

2) от 30–31 марта 1954 г.: «...из прежнего отвергнутого у Вайнбаума: <...> Шурум-бурум» [1, 354].

Поскольку созданная книга не была опубликована, то в период 1954–1957 гг. Ремизов продолжал работать над ней, изменяя ее состав и усложняя идейно-философскую концепцию. На последнем этапе в состав книги вошли эссе о природе сновидений «Полудни ночи» и «Тонь ночи». К моменту смерти Ремизова отдельные вновь написанные части, а также главы и подглавки книги были опубликованы в различных периодических изданиях без упоминания о том, что они входят в состав единого произведения. В конце 1957 г. в парижском архиве Ремизова оставалось несколько законченных вариантов книги, отличающихся составом отдельных подглавок.

Согласно решению душеприказчиков писателя с его основных крупных неизданных произведений были сделаны ксерокопии, но только в том случае, если не имелось их вариантов, которые при поверхностном рассмотрении были сочтены дублетами. Эти варианты были поделены между душеприказчиками, чтобы создать как бы несколько идентичных с их точки зрения комплектов рукописей последних неопубликованных книг. История разделения единого архива Ремизова между душеприказчиками и исполнения завещания писателя заслуживает особого научного освещения. Здесь отмечу только два момента. Во-первых, что касается неизданных произведений, то воля Ремизова была выражена кратко — «В печать». Во-вторых, в ряде случаев создание псевдодублетных «комплектов» было оправдано и спасло тексты неопубликованных книг Ремизова.

В случае с «Петербургским буераком» один полный вариант произведения остался во Франции в Собрании Резниковых. Другой, также полный, но не идентичный по составу, оказался в руках вернувшегося в СССР писателя Бр. Сосинского и в конце концов поступил в РГАЛИ.

Н. Резникова неоднократно предпринимала попытки выполнить последнюю авторскую волю — добиться публикации неизданных произведений Ремизова. Она принесла оставшуюся у нее наборную рукопись «Петербургского буерака» в парижское издательство «LEV». По свидетельству родственников, владелец издательства самовольно расформировал целостное произведение Ремизова, разделив его на разделы, часть из которых сохранила авторские названия, часть была названа иначе, чтобы сделать текст «доступнее для понимания». Актом чистого волюнтаризма явилось появление общего безликого названия книги — «Встречи». В этом плане также характерна введенная в книгу, неприемлемая для поэтики ремизовского творчества рубрика «Разное», куда вошли произвольно перемешанные подглавки из разных разделов. Финальный раздел, посвященный снам, был попросту выброшен. Книга была издана с массой опечаток и неправильных прочтений наборной рукописи. Одним из наиболее вопиющих является публикация авторских примечаний к подглавке «Максим Горький» в виде отдельной подглавки под названием «Примечания». В дальнейшем рукопись была возвращена Резниковой, но не в целостном виде, а частично, в форме разрозненных частей и глав. Таким образом, фактически эк-

экземпляр Собрания Резниковых перестал существовать как наборная рукопись единого законченного произведения. Книга «Встречи» не может рассматриваться как издание произведения Ремизова, а только как непрофессионально составленная антология текстов из «Петербургского буерака».

Наборная рукопись книги, находящаяся в РГАЛИ, сохранилась лучше, хотя Сосинский, желая популяризовать творчество Ремизова в СССР, также вынимал из нее некоторые части для публикации в советской периодике (так, например, глава «М. М. Пришвин» была изъята для публикации в журнале «Вопросы литературы»). В экземпляре РГАЛИ отсутствует также раздел «Петербургская русалия», но в оглавлении книги имеется помета рукой Сосинского, что этот раздел есть в книге «Пляшущий демон». Неизвестно, был ли раздел изъят новым владельцем или он изначально отсутствовал в этом варианте наборной рукописи.

Большую часть текстов экземпляра наборной рукописи «Петербургского буерака» РГАЛИ составляют авторизованные машинопись и печатные тексты. Надо отметить, что по составу подглавок варианты Собрания Резниковых и РГАЛИ не совпадают (в экземпляре РГАЛИ нет подглавок «Вечный», «Восточный», «Леший», «Акробат», «Голландец», «Золотые туманы», «Три волхва», «Лупа», «Портфель» («Я ничего не знаю, какой он был новый...»), «Le courrier graphique», «П. Е. Шеголев (1877–1935)», «Памяти Льва Шестова», «Над могилой Болдырева-Шкотта»). Подобное различие свидетельствует о продолжавшемся до смерти писателя изменении состава того набора малых повествовательных форм, которые в совокупности составили единую большую жанровую форму, целостную по своей идейно-художественной структуре. Изданная Г. Чижовым-Холмским книга — *Ремизов А. О происхождении моей книги о табаке. Что есть табак.* (Париж, 1983) — это датированный «24/V. 1945–1946 г.» один из первоначальных вариантов главы «Статуэтка», к которой присоединен текст легенды «Что есть табак». Эта публикация также изобилует опечатками, но была учтена при подготовке нашего Собрания сочинений как один из дополнительных источников текста.

Главной отличительной чертой наборной рукописи «Петербургского буерака», хранящейся в РГАЛИ, является то, что в ней при отсутствии некоторых глав и одного раздела целиком сохранена авторская структура книги.

Б. Томашевский писал: «В основе издания черновиков лежит композиция произведения по данным черновика <...> Она должна всецело, во всех деталях, определяться изучением композиционного строения авторского замысла, и последовательность слов и частей должна вполне соответствовать художественному заданию произведения. <...> Как правило надо принять обязательность анализа общей композиции целого произведения и печатать произведение только тогда, когда соотношение и последовательность его частей совершенно ясны для редактора. В ином случае вместо произведения мы получим ряд фрагментов, что очень и бывает на практике» [3, 171].

В случае литературной истории «Петербургского буерака» у публикаторов имелся полностью разрозненный вариант наборной рукописи, состоящей из автографов, машинописи и вырезок, с утраченными частями и главами (экземпляр Резниковых) и вариант с незначительным числом изъятых подглавок и отсутствующим разделом, с пометой — откуда взять и куда вставить. По времени оба варианта являются идентичными, оба лишены точной датировки и относятся к концу 1950-х гг. Однако вариант РГАЛИ сохранил авторскую композицию книги, позволяющую раскрыть творческий замысел писателя.

«Петербургский буерак» Ремизова — это книга об истории культуры и, одновременно, о методах постижения универсума художественным сознанием. От рассказа о своей реальной жизни в России начала XX в. («истории литературной карьеры») Ремизов переходит к отображению своего бытия в пространстве культуры, где происходят не только современниками, но и писателями, композиторами, артистами, не только современниками, но и «вечными спутниками» из других времен. Финал книги посвящен «сну» — одной из важнейших онтологических категорий у Ремизова. «Сон» — это соединительная нить между миром кажимостей, сиюминутной реальности и миром «сущностей», лишенным временных координат.

Сохранение авторской композиции книги в варианте РГАЛИ определило то, что именно этот вариант наборной рукописи книги был избран для публикации в Собрании сочинений Ремизова со сверкой текстов с оставшимися материалами экземпляра Собрания Резниковых.

В заключении надо отметить, что среди текстологических проблем издания неопубликованных произведений большой формы писателей-эмигрантов Первой волны можно выделить общие, характерные для издания неопубликованных текстов художественных произведений как таковых и окказиональные, связанные со спецификой протекания литературного процесса в условиях жизни «России в изгнании» и с судьбой литературного наследия писателей-эмигрантов.

К разряду общелитературных текстологических проблем относятся необходимость изучения истории произведения, проведения критики текста с целью выбора наиболее авторитетного источника для издания. При этом надо устранить ряд доказанных ошибок и неточностей текста, но в случае сомнения ряд вопросов так и оставить неразрешенными, чтобы не допустить волюнтаризма и фантазийной компиляции.

Среди текстологических проблем, возникающих при издании произведений большой формы писателей-эмигрантов, можно выделить те, что связаны со спецификой литературной истории таких произведений. В частности, характерным не только для рассмотренного случая с «Петербургским буераком» Ремизова является многосоставность наборных рукописей неопубликованных произведений, когда в состав рукописи входят части и отдельные отрывки, публиковавшиеся в периодической печати. В этом случае нужна критика текста с внесением конъектур, которые снимали бы исправления редакторов, зачастую с теми или иными целями искажавших авторский текст. Также необходимо позитивно решать проблемы, связан-

ные с разбросанностью литературного наследия писателей-эмигрантов между разными странами. Здесь нужна международная кооперация исследователей, преодоление научных амбиций, связанных с правом первой публикации, так как только на основе общей научной работы можно раскрыть богатство этой части единой русской литературы XX в.

Литература

1. *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977.
2. *Ремизов А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2000.
3. *Томашевский Б.* Писатель и книга. Очерк текстологии. М., 1959.

Галина Воронцова (Москва)

АВТОГРАФЫ РОМАНА М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» И ИХ МЕСТО В ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В последние годы уже не приходится говорить о недостаточности рукописного наследия Михаила Александровича Шолохова. Ныне автографы его произведений находятся на хранении в таких известных архивохранилищах страны, как Пушкинский Дом, Российский государственный архив литературы и искусства, Государственный литературный музей и, наконец, Институт мировой литературы РАН.

О поступлении в ИМЛИ большого массива рукописей первой и второй книг романа «Тихий Дон» в свое время немало говорилось и писалось. Напомню, что шолоховские автографы и авторизованные рукописные копии текста произведения были приобретены Институтом на деньги, выделенные правительством РФ, у наследников вдовы писателя В. Кудашева в 1999 г. Впервые описаны в монографиях Л. Колодного [3] и Ф. Кузнецова [4]. В 2006 г. вышло факсимильное издание рукописей. На протяжении трех последних лет на средства, полученные от РГНФ¹, коллективом сотрудников Института велась кропотливая работа по расшифровке рукописных источников произведения и подготовке их динамической транскрипции. Результативный материал, накопившийся в процессе этой работы, положен в основу настоящей статьи.

Пожалуй, один из важнейших аспектов научного изучения рукописей «Тихого Дона» связан с их местом в творческой истории произведения,